

МУЗЕЙ И ОБЩЕСТВО

УДК 39(548.7+540)

В поисках этнографического факта (к особенностям традиций российской школы индологии в Петербурге)

Н. Г. Краснодембская

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Для цитирования: Краснодембская Н. Г. 2020. В поисках этнографического факта (к особенностям традиций российской школы индологии в Петербурге). *Вопросы музеологии*, 11 (2), 275–289. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2020.211>

Этнографическое направление российской индологической школы в основном получило развитие в Петербурге, и прежде всего в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) им. Петра Великого. Автор выделяет пять основных этапов его развития. Цель статьи — определить временные рамки, главные жизненные обстоятельства того или иного этапа, главных действующих лиц, инструменты и задачи научной деятельности, ключевые научные деяния и основной результат/продукт труда. Первый период относится к последней трети XIX в. и связан с именем И. П. Минаева (1840–1890), основателя русской индологической школы. Минаев заложил главные принципы изучения этнографии Южной Азии в нашем обществе: пиетет к чужой культуре, обязательное знание местных языков и обращение к первоисточникам, по возможности сближение с местными учеными. Следующий этап связан с именами директора МАЭ В. В. Радлова и индологов А. и Л. Мервартов, осуществивших специальную этнографическую экспедицию на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. ради реорганизации научной и просветительской деятельности МАЭ. Несмотря на многие трудности (разразившиеся Первая мировая война и революция в России), задачи экспедиции были успешно выполнены, собраны огромные научные материалы, коллекции и богатое книжное собрание этнографических изданий того времени. Ранний советский период (с 1917 г. до середины XX в.) связан с отрывом МАЭ от мировой науки и другими ограничениями, но индологи (В. Чаттопадхья, В. Е. Краснодембский и др.) и в это время изыскивали способы обретения новых этнографических знаний, отчасти расширились направления научных исследований. Основной задачей стала учетно-хранительская работа, все еще продолжалась обработка обширных мервартовских сборов. Оживление всех направлений индологической деятельности МАЭ произошло после освобождения стран Южной Азии от колониальной зависимости.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

Современное положение вещей в МАЭ внушает определенный оптимизм: в наличии солидный коллектив индологов, который обладает прекрасной профессиональной подготовкой, вернулись возможности полевой работы и публикаций, сохраняются важнейшие традиции.

Ключевые слова: история МАЭ, культура народов Цейлона, культура народов Шри-Ланки и Индии, этнографическая индология, Минаев, Мерварты.

Этнографическое направление российской индологической школы в основном получило развитие в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого в Петербурге. Здесь оно практически и начиналось и было связано с грандиозной реформацией, задуманной радетелями музея на рубеже XIX и XX вв. Индийский ареал (в широком смысле, то есть фактически, говоря современным языком, регион Южной Азии, в который теперь входят такие страны, как Индия, Непал, Бутан, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка и Мальдивы) являлся одним из главных в планах развития и освежения самой музейной жизни и сбора полноценных коллекций. На мой взгляд, можно выделить пять основных этапов его развития. Чтобы охарактеризовать их, постараемся в пределах каждого из них определить временные рамки, основные жизненные обстоятельства того или иного этапа, главных действующих лиц, инструменты и цели научной деятельности, ключевые научные деяния и основной результат/продукт труда.

Целенаправленное научное изучение этнографии различных народов из региона Индии началось в Санкт-Петербурге в последней трети XIX в. Отправной точкой отсчета служат здесь путешествия на Восток И. П. Минаева (1840–1890), признанного основателя русской индологической школы. До того немногочисленные российские индологи изучали лишь некоторые аспекты индийской культуры (преимущественно древности — языки, философию) и делали это, как правило, заочно, то есть вдали от самой Индии.

И. П. Минаев в 70–80-е гг. XIX в. побывал на Цейлоне, в Индии, Непале и даже Бирме. Поездки были тяжелые: сами выезды к объектам внимания ученого бывало очень нелегко организовать, бытовые условия на маршрутах часто оказывались малокомфортными (очень мягко говоря), многие памятники, к которым стремился Минаев, оказались заброшенными, труднодоступными из-за глухих джунглей и сложных ландшафтов. И сама политическая ситуация в посещаемых странах была не вполне спокойной. На русского ученого косо смотрели английские колониальные власти. Непал был закрыт для иностранцев, и то, что Минаев все же попал в этот сокровенный мир, стало настоящим чудом. В Бирме вообще шла война. Тем не менее, несмотря на перечисленные трудности, несмотря на то что главной задачей Минаева было изучение классического буддизма в исторических памятниках и в современном бытовании, наш ученый в этих путешествиях сам реализовал пропагандированный им тезис — изучать, помимо классической древности региона (древних языков, буддийской философии, классической литературы и т. п.), как он выражался, «живую Индию» (в те времена термином *Индия* называли весь регион Южной Азии). И он действительно обращал внимание на бытовые традиции, уклад жизни местных народов, особенности их материальной культуры, поведения (в том числе и на особенности их религиозной жизни). Итак, этот первый этап мы назовем *минаевским*.

В те времена знания русских об Индии (в прежнем широком смысле этого слова) все еще были довольно бессистемны, во многом основаны на передаче случайной устной информации, вполне возможно, что кто-то верил даже легендарным слухам, вроде того, что в тех землях живут люди с «песыми головами» (возможно, этой вере способствовала иконография одной из аватар Вишну — Нарасинхи, Человека-льва, который изображался с человеческим телом и со львиной головой). Изучая важные индологические дисциплины (прежде всего языки и философию буддизма), Минаев жаждал путешествия в страны Южной Азии. С трудом (в основном через Министерство просвещения) он добился такой поездки (попутно исполняя особые поручения). В этнографическом плане в поездках он наблюдал за повседневной жизнью людей, интересовался материальной и бытовой культурой, театром, празднествами, фольклором, собирал соответствующие материалы. Он привез солидную коллекцию буддийских рукописей, отдельные артефакты из разных концов региона. Рукописи в основном хранятся в Российской национальной библиотеке Санкт-Петербурга, артефакты — в МАЭ РАН (коллекция № 226). Эта коллекция поступила в музей в 1893 г., уже после смерти Минаева (предметы были бережно сохранены и переданы в музейный фонд племянницами Ивана Павловича, которых он растил после смерти его сестры, их матери), поэтому сопроводительные пояснения были, к сожалению, минимальны. Почти каждый предмет здесь нуждается в особом опытном исследователе, так что пока изучены и опубликованы лишь некоторые предметы из этого собрания¹.

И. П. Минаев стремился как можно быстрее поделиться накопленными знаниями с читающей публикой: через научные и просветительские журналы он опубликовал многие свои наблюдения, путевые заметки, описания старинных памятников буддизма. При жизни Минаева вышли его книга «Очерки Цейлона и Индии»², буддологические труды. Первый этап публикаций продолжался и после его смерти (до 1910 г.), а затем уже его труды публиковались во второй половине XX в. и позже.

Именно И. П. Минаев заложил главные принципы изучения этнографии Южной Азии в нашем обществе: пиетет к чужой культуре, обязательное знание местных языков и обращение к первоисточникам, по возможности сближение с местными учеными.

Минаев сам широко пользовался контактами с местными знатоками буддизма, языков пали и санскрита. Так, он в течение нескольких лет обменивался письмами с настоятелем монастыря (тот сам же и основал этот монастырь в 1860 г.) в городке Васкадува, в прибрежной части острова, недалеко от столицы страны Коломбо, достопочтенным Шри Субхути (1835–1917). Полное название храма ныне — Раджагуру Шри Субхути Маха Вихара. Последователи Шри Субхути называют его и великим Учителем, и даже архатом, при жизни он был прославлен как большой специалист в области древних языков — санскрита и пали, и в самом буддийском учении считался глубоким знатоком. Слава эта была распространена и в кругах европейских ученых-востоковедов. И. П. Минаев, впервые познакомившись со Шри Субхути, высоко оценивал его ученость, навещал его в монастыре Васкадувы, вел беседы, а затем и состоял в переписке. Шри Субхути помогал русскому индологу в нахождении важных буддийских текстов, в которых тот нуждался для своих

¹ Васильков, 2014; Альбедиль, Бабин, 2019.

² Минаев, 1878.

исследований. И. П. Минаев держал своего корреспондента в курсе последних научных открытий в области истории буддизма и буддийской культуры, которые происходили в европейской востоковедческой среде.

В этом монастыре до сих пор хранятся письма Минаева, а некоторые из корреспонденций Шри Субхути к русскому ученому нам удалось отыскать в Архиве востоковедов в Институте восточных рукописей (ИВР) РАН. Ради знакомства с ними 19 августа 2010 г. Санкт-Петербург посетил достопочтенный Махиндаванса Маханаяка-тхеро, современный настоятель монастыря Раджагуру Шри Субхути Маха Вихара, с которым автору удалось познакомиться во время экспедиционной поездки в Шри-Ланку в 2009 г.³

Следующий этап в развитии индологической этнографии условно можно назвать *мервартовским*, так как именно Александр Михайлович и Людмила Александровна Мерварты были в этот период главными действующими лицами в исполнении грандиозного замысла по организации специальной этнографической экспедиции в Южную Азию. Эта важная экспедиция предпринималась в связи с реорганизацией научно-просветительской деятельности МАЭ на рубеже XIX и XX вв. И с этой точки зрения названный этап можно также именовать *радловским* или *радловско-штернбергским*: В. В. Радлов (1837–1918) руководил МАЭ в 1894–1918 гг., ближайшим его помощником в развитии новых музейных начинаний в начале XX в. был старший этнограф Л. Я. Штернберг (1861–1927)⁴.

Отметим, что для осуществления грандиозных замыслов музейное начальство изыскивало различные материальные источники, прибегая среди прочего к благотворителям. С приходом на пост директора МАЭ В. В. Радлова несколько оживилось, правда, поначалу разрозненное, поступление в музей новых коллекций, в том числе по индийскому региону. В конце XIX в. музей совершил значительный обмен дублетами с берлинским Музеем народоведения и получил в свое распоряжение несколько интересных коллекций, а также приобретал предметы у частных лиц, принял ряд коллекций от других музеев и учреждений. Это было время, когда русские путешественники (в том числе и ученые) стали чаще посещать Индию, и многие стремились одарить новыми экспонатами МАЭ, или, иначе говоря, Кунсткамеру, музей, любимый многими еще со времен его основателя Петра Великого. В частности, значительный вклад в его собрания (около 250 образцов индийских ремесел и искусства) внес и царственный путешественник Николай Александрович (будущий император Николай II, а в то время наследник престола).

Среди ученых, так или иначе способствовавших пополнению индийского фонда МАЭ, — такие известные личности, как один из первых преподавателей санскрита в Петербургском университете А. Сталь-Гольштейн, востоковед М. С. Андреев, ботаник В. И. Липский, иранист В. А. Иванов, индолог С. Ф. Ольденбург, географ Д. Д. Руднев и другие. Сам В. В. Радлов выступил дарителем нескольких экспонатов.

Но все эти пополнения, содержащие предметы, представляющие важный научный интерес даже для современных ученых, не давали возможности осуществить главную задачу — создать полноценную экспозицию, которая бы разносторонне

³ Краснодарская, 2015.

⁴ Краснодарская, Соболева, 2012.

демонстрировала главные культурные особенности региона Южной Азии и этническую специфику населяющих его народов. Для реализации этой задачи была необходима специальная экспедиция.

Эта «экспедиция на Цейлон и в Индию», как сообщалось в ее официальном названии, готовилась тщательно и не один год: поручена она была молодой супружеской паре — Александру Михайловичу и Людмиле Александровне Мерварт. А. М. Мерварт, санскритолог и специалист по некоторым языкам Южной Индии, был приглашен в музей в 1913 г. на заведование недавно созданным самостоятельным отделом Индии. Л. А. Мерварт, выпускница Бестужевских курсов, также была неплохо подготовлена в индологии, в частности блестяще выдержала экзамен (что в те времена было серьезной победой для женщины) по санскриту экстерном в Петербургском университете. Однако она не сразу была принята в штат музея, но должна была работать на равных с мужем в предстоящей экспедиции (что осуществила сполна) и только по возвращении вошла в число сотрудников музея.

Мерварты, готовясь к многотрудной поездке, совершили командировки в Европу, где познакомились с ее специалистами — учеными, музейоведами — подходящего профиля: индологами, бирманистами и другими, с соответствующими этнографическими учреждениями, а также с принадлежащими им коллекциями и экспозициями. Они получили ценные консультации опытных индологов из германских музеев, которые к тому же были активными «полевиками». Эти консультации позволили нашим исследователям заранее наметить маршруты предстоящей экспедиции и ее основные цели. В частности, именно европейские коллеги дали советы сосредоточить внимание на малоизученном тогда юге Индии, то есть мире дравидов с их оригинальными, почти неизвестными языками и заметно особой культурой. Удалось также познакомиться с новейшими публикациями по предполагаемым разделам тематики будущей поездки, осмотреть экспозиции, посвященные некоторым народам Южной Азии, понять принципы их организации (даже уловить некоторые их недостатки), познакомиться с содержанием фондов⁵.

Достижения западных коллег Мерварты воспринимали и чтити как *общеевропейские*, своими трудами они собирались пополнить общее западное пространство научных знаний об этнографии народов южноазиатского региона. Но прежде всего их собирательская деятельность была направлена на то, чтобы создать в Санкт-Петербурге, то есть в МАЭ, постоянную индийскую экспозицию (в старом смысле слова Индия). К сожалению, мировые события чрезвычайно осложнили обстоятельства экспедиции: едва ее участники добрались до Цейлона (с него они начали свои полевые работы), как разразилась Первая мировая война. Стали затруднены связи с МАЭ, не всегда и часто с задержками приходили средства на необходимые расходы, нелегко складывались отношения с колониальными властями в Индии и на Цейлоне, сроки экспедиции растянулись еще на два года. События революции и Гражданской войны в России отодвинули возвращение экспедиции и собранных ею материалов еще на несколько лет.

---

⁵ Котин и др., 2013.

Свою полевую работу Мерварты начали с Цейлона (ныне Шри-Ланка), который представлялся им интереснейшим объектом изучения. Здесь они впервые нашли и развивали собственные методы полевой работы (изучая местные языки, используя, в частности, одними из первых прием включенного наблюдения), способы сбора вербальной информации и разнообразных коллекций для МАЭ. Мерварты также укрепляли отношения с местными учеными и с монашеским сообществом, углубляя свои знания различных аспектов местной культуры. Затем, следуя своему предварительному плану и задачам, выработанным с помощью российских (в частности, придерживаясь заветов Минаева) и европейских коллег, значительное время и усилия они потратили на путешествия и изучение индийского юга. Закончился запланированный срок командировки, но вернуться на родину было в это время невозможно. Ученые решили продолжить свою работу на индийском севере. И здесь (еще в течение двух лет) они проделали титаническую работу, изучая крупные и малые этнические сообщества, собирая вербальные и коллекционные материалы, характеризующие их главные культурные особенности. Итак, Мерварты пробыли на Цейлоне и в Индии почти четыре года.

Несмотря на многие трудности, задачи экспедиции были успешно выполнены, проведена огромная собирательская деятельность: предметные и иллюстративные коллекции (около 5 тыс. предметов, 3 тыс. фотографий, богатое книжное собрание научных этнографических изданий того времени)⁶.

По возвращении на родину Мерварты начали активную работу по популяризации новых знаний через свои научные труды, создание не только постоянной, но и ряда временных экспозиций в различных учреждениях Ленинграда и не только⁷. Они написали книгу о Цейлоне⁸, ряд статей, выполнили некоторые переводы индийской литературы, активно читали университетские и публичные лекции, пропагандировали свои новые знания через прессу, радио и даже театр. Постоянная экспозиция, посвященная народам Южной Азии в МАЭ, была создана как раз к юбилею Академии наук в 1924 г.⁹

На *мервартовском* этапе активно изобретались новые музейные методики по обработке и хранению коллекций, правила их научного использования. *Мервартовский* период частично пришелся на советское время, но был жестко оборван в конце 1920-х — начале 1930-х гг. К нашим ученым были применены совершенно незаслуженные репрессии: их привлекли к ответу по так называемому (грубо сфабрикованному) Академическому делу, обвинили в антисоветской деятельности и шпионаже в пользу иностранного государства, арестовали и осудили на большие сроки в исправительно-трудовых лагерях. Александр Михайлович этих испытаний не вынес: 23 мая 1932 г. он скончался. Людмила Александровна выжила, но вскоре рассталась с Ленинградом, до своей кончины в 1965 г. жила в Москве, от индологии отошла. И только в 50-е гг. они были реабилитированы.

Между тем в МАЭ о Мервартах словно забыли на несколько десятилетий, оборвалась преемственность, не изучались многие аспекты этнической культуры народов Южной Азии, которые были предложены ими. Так, прекратилось изуче-

⁶ Мозоль, 2011.

⁷ Котин, 2016.

⁸ Мерварт, Мерварт, 1929.

⁹ Котин и др., 2015.

ние сингальского языка и культуры сингалов (основных жителей Цейлона/Шри-Ланки), которым в свое время Мерварты уделили много внимания. Мне, например, когда я заинтересовалась этими предметами, пришлось начинать все с самого начала самостоятельно. И первыми пособиями для меня в этом деле (а я начала изучение культуры и языка сингалов, будучи еще студенткой II курса) стали книги Минаева и Мервартов. Экспедиция Мервартов рассматривалась как первая из ряда предполагаемых в будущем, как бы пробная, а получилось так, что долгое время она оставалась единственной.

Следующий этап в развитии нашей науки можно назвать *ранним советским* (иначе — *довоенным*): он начался после революции 1917 г. и продолжался до событий Второй мировой войны (фактически до середины XX в.). Первые 10–15 лет еще действовала инерция радловского времени, затем оптимистические планы расширения и развертывания этнографического просветительства, целеустремленной полевой работы были преданы забвению. О поездках в изучаемые страны уже не приходилось и мечтать, замерла издательская деятельность. Основной задачей стала учетно-хранительская работа, все еще продолжалась обработка обширных мервартовских сборов.

После ухода из музея Мервартов (после ареста их вскоре уволили) в индийском отделе появились новые сотрудники, в частности такие уже известные индологи, как Б. А. Чатопадая (1880–1937; более точная транслитерация его имени с индийского — Вирендранатх Чаттопадхья) и В. Е. Краснодембский (1907–1942).

Чаттопадхья был бенгалец по национальности, историк, индолог, индийский революционер, впервые появился в Москве в 1921 г. — на Третьем конгрессе Коминтерна, а в 1931 г. он уже приехал в СССР на постоянное жительство. Сначала работал в Москве редактором Издательства иностранных рабочих и сотрудником индийского бюро Коминтерна. В конце 1932 г. по линии того же Коминтерна был переведен в Ленинград и поступил на работу в МАЭ (с 1933 г. — Институт антропологии и этнографии АН СССР): сначала в качестве научного сотрудника, а затем — заведующего Индийским кабинетом, который позже превратился в Кабинет Индии, Индонезии и Дальнего Востока.

В. Е. Краснодембский, ученик А. П. Баранникова (1890–1952), был специалистом по языкам маратхи и хиндустани, изучал и позже преподавал, кроме языков, еще историю и географию Индии. В Институте антропологии и этнографии (ИАЭ) он глубоко увлекся темами, связанными с этнографией, Чаттопадхья стал его научным куратором. В условиях кабинетной работы новые сотрудники музея все равно старались находить возможности получения новой этнографических материалов: узнавать о книжных новинках по индологии, добывать через посредников иллюстративный материал по народам южноазиатского региона, в частности по племенам. В этом помогали связи Чаттопадхья с научными центрами и учеными Индии.

Чаттопадхья опубликовал в 1930-е гг. несколько своих работ¹⁰, он активно участвовал в начатом труде ИАЭ по созданию этнографического справочника «Народы мира». Краснодембский сначала изучал индийские коллекции и водил экскурсии по музею. В тематическом плане в это время появился новый уклон: предпо-

---

¹⁰ Чаттопада, 1932; 1935; 1936а; 1936б.

читались разделы, больше связанные не с духовной культурой (в моде был атеизм), а с производительными силами, народными формами верований, устройством семьи и брака и т. п. Краснодембский серьезно заинтересовался этнокультурными особенностями малых народов и племен Индии. Его диссертация была посвящена социальной структуре племен мунда, он написал ряд статей о малых этнических общностях, в том числе об автохтонах Цейлона веддах. В своих работах он опирался и на материалы, привезенные Мервартами. Однако опубликованы эти работы были уже после его смерти (он умер в 1942 г., во время эвакуации из Ленинграда, от последствий блокадного истощения), после войны, и то не сразу¹¹.

В этот же период произошло специфическое пополнение коллекционного фонда по Южной Азии — в основном из экспроприированных частных собраний, а также из некоторых реформированных общественных учреждений. К примеру, ряд весьма содержательных коллекций поступил в МАЭ из Музея Штиглица¹².

Но все же и в эту грустную пору в индийском отделе состоялось некоторое тематическое движение: так, здесь за некоторое время до начала Второй мировой войны появился аспирант М. К. Кудрявцев (1911–1992), его научным руководителем был Н. Д. Кюннер (1877–1955), музейным товарищем-наставником был Д. А. Ольдерогге (1903–1987). Кудрявцев собирался заняться изучением мусульман региона. Для этого он, в частности, изучал язык хиндустани, географию и историю Индии под руководством В. Е. Краснодембского. Однако началась война, Кудрявцев с ее первого и до последнего дня провел в армии и даже задержался на военной службе до 1947 г. К счастью, несколько позже ему удалось вернуться в музей и к своей научной работе¹³.

Безусловное оживление в отечественной индологической этнографии произошло вслед за грандиозным мировым событием — освобождением Индии и других стран региона от колониальной зависимости (пусть тогда неполным). К этому времени (с 1933 г.) МАЭ существовал под названием Институт антропологии и этнографии АН СССР (с 1943 г. главный центр этого учреждения обосновался в Москве, а в нашем городе он получил название «ленинградская часть» параллельно «московской части»). Собственно музейная часть (экспозиции, фонды) считалась в это время подразделением ИАЭ.

Можно счесть, что в послевоенные годы *ранний советский этап* постепенно переходит в *послевоенный* (иначе — *постколониальный*, если смотреть со стороны изучаемых стран) этап развития этнографических исследований региона Южной Азии в Петербурге/Ленинграде. В это время, кроме М. К. Кудрявцева, в институте появляются индологи Б. Я. Волчок (1922–1990) и С. А. Болдырева (по мужу позже Маретина, 1929–2013). В институте на этом этапе в основном разрабатываются общие для всех подразделений тематические проекты, большое внимание уделяется социальной культуре различных народов (в частности, кастовому строю народов Южной Азии). Кудрявцев изучает хиндустанцев и мусульман Индостана (преимущественно северных районов), занимается системой джаджмани, деревенской экзогамией, мусульманскими кастами, кастовым этикетом у джатов и другим. Волчок пишет диссертацию о санталах, отчасти опираясь на материалы по индийским пле-

¹¹ Краснодембский, 2011.

¹² Васильков, 2017.

¹³ Кудрявцева, Краснодембская (сост.), 2005.

менам, собранные В. Е. Краснодембским. Маретина большую часть своего внимания уделяет малым народам северо-восточной Индии и населению Андаманских островов. Публикации не часты, в основном это коллективные труды (сборники, монографии), реже персональные книги.

В это время музейная работа и исследование коллекций считаются делом второго плана, тем не менее возрождается журнал «Сборник МАЭ», индологи публикуют некоторые коллекции из собраний МАЭ, в том числе из минаевских и мервартовских сборов¹⁴. Обновляется (восстанавливается) постоянная экспозиция по Южной Азии (во внутреннем общении она по-старому обычно именуется *индийской*). Коллекции хранятся элементарным образом, но внимательно и любовно. Им многие годы служит Л. Л. Левизи (1927–2015).

Поездки в изучаемые страны — редкость. Кому-то удаются ознакомительные туристические путешествия, С. А. Маретина попадает в Индию лишь в конце XX в. через участие в одной конференции. А между тем именно она с 1956 г. читает на индийской кафедре востфака ЛГУ (позже и на кафедре этнографии истфака) курс этнографии Индии (читает замечательно!). Больше везет М. К. Кудрявцеву: он совершает экспедиционные поездки к своим хиндустанцам по научному обмену с индийскими учреждениями. Это помогает ему написать лучшую из его книг — «Община и каста в Хиндустане»¹⁵.

Постколониальный этап отмечен также выходом внушительной коллективной монографии «Народы Южной Азии» (1963 г.) из серии «Народы мира», в которой впервые в нашей науке была поставлена задача в наибольшей полноте описать этнографические особенности многих народов, проживающих в регионе Южной Азии.

Период заметных обновлений наступает в последние 15–20 лет XX в.: нашему учреждению возвращены самостоятельность и статус музея, и все больше внимания обращается на собственно музейную работу и музейные проблемы. Постепенно возникают возможности экспедиционных поездок: практически все современные индологи МАЭ побывали в странах и у народов, которые они изучают; те, кто моложе, совершили это уже в свои студенческие годы. Полевых информантов иногда удастся найти даже в нашем городе — в среде учащихся из южноазиатских стран: когда изучаешь Восток, совсем нелишне узнать о нем побольше заранее. В этом случае не сбавляется поговорка «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Если не подготовиться соответствующим образом, то можно, поехав к восточным народам, смотреть — и *не видеть*, то есть не понимать специфики их культуры.

В названное время расширяются возможности публикаций и коллективных, и индивидуальных трудов. Происходит обращение к истории индологии в МАЭ. В частности, вспоминается и экспедиционная эпопея Мервартов, история их трудов на пользу МАЭ. После периода «забвения» первые упоминания о Мервартах появились в общих описаниях истории МАЭ¹⁶. В 1967 г. автор настоящей статьи посвятила специальный доклад истории их экспедиции на Цейлон¹⁷. Спустя неко-

¹⁴ Кудрявцев, 1953; Маретина, 1963.

¹⁵ Кудрявцев, 1971.

¹⁶ Станюкович, 1953; Шафрановская, 1967.

¹⁷ Краснодембская, 1967.

торое время их поездке в Индию уделила внимание известный историк, профессор Востфака ЛГУ Е. Я. Люстерник (1904–1991)¹⁸.

Более подробно о мервартовской экспедиции к народам Индостана было написано в книге 1983 г., представляющей собой небольшой очерк истории индологии в Петербурге, собирательства коллекций МАЭ и экспозиции «Народы Южной Азии»¹⁹. И только в XXI в., при поддержке гранта РГНФ, удается уделить истории этого важнейшего события в истории Кунсткамеры/МАЭ и в самой российской этнографической индологии должное внимание²⁰. Написана книга на основе соответствующей литературы, различных текстов самих Мервартов, а главное — с привлечением обширнейшего архивного материала. В этой книге впервые достаточно подробно описаны теоретические и практические предпосылки организации названной экспедиции, этапы ее подготовки, обстоятельства, главные события и результаты ее осуществления, даже превратности судьбы наших замечательных исследователей и собирателей после их возвращения на родину. Да, воистину, это были труженики и романтики этнографической науки и, к большому огорчению, также и ее страдальцы²¹.

В настоящее время сложились довольно благоприятные условия для развития индологической этнографии в МАЭ: никогда еще в среде сотрудников МАЭ не было столько индологов, хорошо подготовленных в общей индологии и имеющих в ней каждый оригинальную спецификацию. Благодаря этому мы получили возможность разрабатывать разнообразные темы этнографического направления.

Так, М. Ф. Альбедиль имеет подготовку дравидолога, владеет несколькими дравидийскими языками, знакома с историей и литературой южноиндийских народов, изучает различные аспекты их этнической культуры. Кроме того, у нее есть особый интерес к архаичным формам культуры. Я. В. Васильков, санскритолог, специалист по классическим индийским текстам, известный исследователь «Махабхараты», переводчик, пришел на работу в МАЭ в 2005 г., но, как человек с широким индологическим мировоззрением, увлекся и этнографической тематикой (по-прежнему часто опираясь на классические тексты), и любопытными страницами истории российской индологии. Автор данной статьи ведет многолетнее монографическое изучение культуры сингалов, основного населения Цейлона/Шри-Ланки. Мусульманским народам уделяет внимание И. Ю. Котин, метисным по происхождению этническим группам — Е. С. Соболева. В XXI в. возникла совершенно новая тема — южноазиатские диаспоры в странах Запада, ею занимаются И. Ю. Котин и О. Н. Меренкова (под ее «опекой» находятся также разнообразные темы по бенгальцам). Историю индологической науки в МАЭ и его отдельных коллекций изучают практически все индологи. Также индологи активно влились в изучение оригинальной темы, предложенной руководителем отдела Южной и Юго-Западной Азии М. А. Родионовым²², посвященной значению образов животных в различных этнических культурах региона. Условно мы называем эту тему «Бестиарий». За несколько лет проведено более 12 конферен-

¹⁸ Люстерник, 1975.

¹⁹ Краснодембская, 1983.

²⁰ Котин и др., 2018.

²¹ Краснодембская, 1997.

²² Недавно М. А. Родионов передал эти полномочия И. Ю. Котину.

ций по данной теме и вышло пять сборников статей по материалам их участников²³. Были и другие общие отдельные темы.

Можно уверенно сказать, что за последние 150 лет у нас сложилась интересная и достаточно прочная собственная индологическая этнографическая школа. Этнографическое направление — заметная ветвь петербургской индологической школы, значимость которой признана и в кругу иногородних и иностранных наших коллег. Яркое свидетельство тому — ежегодные, теперь уже международные, Зографские чтения (весной 2020 г. была проведена 41-я конференция, причем из-за пандемии коронавируса — в формате онлайн-заседаний с участниками из нескольких городов). Эти чтения — замечательная площадка для научной кооперации, в которой я вижу главное условие для нашего общего дальнейшего развития. К этому стремились еще Мерварты, полагая научное пространство общемировым. Многие десятилетия, однако, у нас существовали в этом отношении определенные помехи. Теперь ситуация изменилась к лучшему, но пока это касается в основном наших отношений с западными коллегами. Мне кажется, пора чаще и больше сотрудничать и с нашими восточными коллегами, конкретные знания которых о собственной культуре бывают весьма богаты. Сближение научных школ необходимо и неизбежно. А результат может быть впечатляющим. Основываясь на собственном опыте, могу сказать: благодаря контактам с некоторыми коллегами из Шри-Ланки и при их активном участии мне удалось осуществить в XXI в. три плодотворные экспедиционные поездки и несколько интересных совместных публикаций.

Впрочем, полезна и кооперация с учеными смежных профессий дома, на родине. Так, совместная поездка с сотрудницей Эрмитажа И. В. Калининой к ремесленникам Шри-Ланки помогла получить и освоить новые сведения о таких местных ремеслах, как гончарство, плетение, обработка дерева и металла. Уже осуществлены некоторые наши совместные публикации на эти темы²⁴. Взаимно вдохновляющей была наша работа с Т. А. Зиминной в специальной поездке к веддам, потомкам загадочных автохтонов Шри-Ланки²⁵.

Кооперация с учеными изучаемых стран особенно может помочь в собирательской деятельности. А мы помним, что задача поиска подлинных фактов всегда стояла (стоит и теперь) во главе угла российской этнографической индологии, поскольку *живой, от конкретного собирателя* (предпочтительно добытый в процессе полевой работы) этнографический факт рассматривается как *первоисточник* любого исследования. Мир Южной Азии пока еще дает возможности таких поисков (несмотря на заметные тенденции глобализации), и их надо использовать, чтобы не было поздно. Поэтому нам остро требуются новые экспедиции и поездки к изучаемым народам.

Литература

Альбедиль М. Ф., Бабин А. Н. 2019. Этнографическая коллекция И. П. Минаева: проблемы атрибуции и интерпретации. *Кунсткамера* 1 (3): 229–240.

²³ Родионов, Меренкова (ред.), 2019.

²⁴ Краснодембская, Калинина, 2015.

²⁵ Краснодембская, 2014; Зимина, 2019.

- Васильков Я. В. 2014. Неварский «повествовательный свиток» с рисунками на тему жизни Будды из коллекции И. П. Минаева в собрании МАЭ РАН: «одомашнивание» классической буддийской сутры. *Зографский сборник* 4: 128–169.
- Васильков Я. В. 2017. О «штиглицевских» коллекциях МАЭ РАН и об их собирателе. *Сборник МАЭ. Т. LXII: Кунсткамера: коллекции и их хранители. Памяти Зои Леонидовны Пугач*. СПб.: МАЭ РАН: 92–101.
- Зими́на Т. А. 2019. Ведды глазами сингалов: в прошлом и настоящем. *Этнография* 4 (6): 58–72.
- Котин И. Ю. 2016. А. М. Мерварт — создатель и хранитель индийского отдела МАЭ. *Сборник МАЭ. Т. LXII: Кунсткамера: коллекции и хранители. Памяти Зои Леонидовны Пугач*. СПб.: МАЭ РАН: 102–113.
- Котин И. Ю., Краснодембская Н. Г., Соболева Е. С. 2013. Стратегия пополнения этнографических коллекций Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН в начале XX в. (экспедиция Мервартов в Южную Азию). *Этнографические коллекции в музеях: культурные стратегии и практики: материалы XII Санкт-Петербургских этнографических чтений*. СПб.: СПбГУТД: 326–332.
- Котин И. Ю., Краснодембская Н. Г., Соболева Е. С. 2015. А. М. Мерварт и индология: программы и проекты 1920-х гг. *Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»*. Т. XIV: *Преподобный Сергей Радонежский в жизни и творчестве Рерихов. Проблемы и перспективы сохранения Рериховского наследия*. СПб.: СПбГМИСР: 277–304.
- Котин И. Ю., Краснодембская Н. Г., Соболева Е. С. 2018. *Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг.: История. Коллекции. Научное наследие*. СПб.: МАЭ РАН.
- Краснодембская Н. Г. 1967. Русские исследователи на Цейлоне. *Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии*. Л.: Изд-во ЛГУ: 12–13.
- Краснодембская Н. Г. 1983. *От Львиного острова до Обитали снегов (рассказ о коллекциях МАЭ по Южной Азии)*. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука».
- Краснодембская Н. Г. 1997. Трудники и романтики этнографической науки. *Кунсткамера. Этнографические тетради* 11: 315–325.
- Краснодембская Н. Г. 2014. Ведды — сингалы: пространственно-временные этнолингвистические связи. *Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г.* СПб.: МАЭ РАН: 228–235.
- Краснодембская Н. Г. 2015. В буддийских монастырях Шри-Ланки (о личных впечатлениях 1980–1988 и 2009–2014 гг.). *Материалы полевых исследований МАЭ РАН* 15: 190–214.
- Краснодембская Н. Г., Калинина И. В. 2015. О технологии изготовления сингалской керамики (по коллекциям МАЭ и полевым материалам). *Сборник МАЭ. Т. LXI: Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии*. СПб.: МАЭ РАН: 77–99.
- Краснодембская Н. Г., Соболева Е. С. 2012. Становление индологического направления научных исследований МАЭ в эпоху Радлова и Штернберга (по архивным материалам). *Лев Штернберг — гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения*. СПб.: МАЭ РАН: 203–232.
- Краснодембский В. Е. 2011. Ведда. *Труды Архива востоковедов ИВР РАН. Т. I: Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944)*. М.: Восточная литература РАН: 204–216.
- Кудрявцев М. К. 1953. Фрагмент дворца из г. Насик (Индия). *Сборник МАЭ. Т. XIV*. М.; Л.: Наука: 140–146.
- Кудрявцев М. К. 1971. *Община и каста в Хиндустане (Из жизни индийской деревни)*. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука».
- Кудрявцева Н. В., Краснодембская Н. Г. (сост.). 2005. *Дважды рожденный: рубежи войны и науки Михаила Кудрявцева, индолога и артиллериста*. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Люстерник Е. Я. 1975. Научная экспедиция А. М. и Л. А. Мервартов в Индию в 1914–1918 гг. *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки* 4: 58–63.
- Маретина С. А. 1963. «Рамаяна» в бенгальском кукольном театре. *Сборник МАЭ. Т. XXI*. Л.: Наука: 252–266.
- Мерварт Л. А., Мерварт А. М. 1929. *В глуши Цейлона. (Путевые заметки участников экспедиции Академии наук в Индию и на Цейлон в 1914–1918 гг.)*. Л.: Изд. П. П. Сойкина.
- Минаев И. П. 1878. *Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского в 2 ч.* СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеева.
- Мозоль Е. В. 2011. Книжная коллекция Александра Михайловича и Людмилы Александровны Мервартов в библиотеке МАЭ. *Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г.* СПб.: МАЭ РАН: 95–100.
- Родионов М. А., Меренкова О. Н. (ред.). 2019. *Бестиарий. Вып. V: Рядом с людьми*. СПб.: МАЭ РАН.

- Станюкович Т. В. 1953. *Кунсткамера Петербургской Академии наук*. М.; Л.: Наука.
- Чатопадая Б. А. 1932. Мусульманство и буддизм на службе империализма. *Революционный Восток* 3/4: 282–288.
- Чатопадая Б. А. 1935. Энгельс и Штернберг. *Советская этнография* 1: 178–179.
- Чатопадая Б. А. 1936а. Индийские термины, обозначающие род. *Вопросы истории доклассового общества*. М.; Л.: АН СССР: 415–473.
- Чатопадая Б. А. 1936б. Современная индийская этнография. *Советская этнография* 3: 116–124.
- Шафрановская Т. К. 1967. *Чудес палата*. Л.: Наука.

Статья поступила в редакцию 10 июня 2020 г.;
рекомендована к печати 28 сентября 2020 г.

Контактная информация:

Краснодембская Нина Георгиевна — д-р ист. наук; nigekrasno@mail.ru

In search of ethnographical reality (regarding the peculiarities of the traditions of the Russian school of Indology in St. Petersburg)

N. G. Krasnodembskaya

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences,
3, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Krasnodembskaya N. G. 2020. In search of ethnographical reality (regarding the peculiarities of the traditions of the Russian school of Indology in St. Petersburg). *The Issues of Museology*, 11 (2), 275–289. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2020.211> (In Russian)

The ethnographic focus of the Russian Indological school was mainly developed in St. Petersburg and, above all, in the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (MAE). The author identifies five main stages of its development. Thus, the purpose of the article is to determine the time frame, the main life circumstances of a particular stage, the main actors, the tools and tasks of scientific activity, key scientific activities and the main result/product of labor. The first period refers to the last third of the XIX century and is associated with the name of Ivan Minaev (1840–1890), founder of the Russian Indological School. The next stage is connected with the names of the director of the MAE Vasily Radlov and the Indologists Alexander and Lyudmila Mervart, who carried out a special ethnographic expedition to Ceylon and India in 1914–1918, for the reorganization of the scientific and educational activities of the museum. The early Soviet period (from 1917 to the middle of the 20th century) was connected with the separation of MAE from world science and other restrictions, but Indologists (Virendranath Chattopadhyaya, Valery Krasnodembsky, etc.) at that time found ways to acquire new ethnographic knowledge, the directions of scientific research were partly expanded. The revival of all areas of MAE Indological activity occurred after the liberation of the countries of South Africa from colonial dependence. The current state of affairs in the MAE inspires a certain optimism. There is a well-prepared team of Indologists and the most important traditions have been preserved.

Keywords: history of the Museum of Anthropology and Ethnography, folk culture of Ceylon/Sri Lanka and India, ethnological Indology, Minaev, Mervarts.

References

- Al'bedil M. F., Babin A. N. 2019. The ethnographic collection from/by I. P. Minaev: the problems of attribution and interpretation. *Kunstkamera* 1 (3): 229–240. (In Russian)
- Chatopadaia B. A. 1932. Islam and Buddhism as the attendants of Imperialism. *Revoljucionnyi Vostok* 3/4: 282–288. (In Russian)

- Chatopadaia B. A. 1935. Engels and Shternberg. *Sovetskaia etnografiia* 1: 178–179. (In Russian)
- Chatopadaia B. A. 1936a. The Indian terminology for *clan*. *Voprosy istorii doklassovogo obschestva*. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ.: 415–473. (In Russian)
- Chatopadaia B. A. 1936b. The modern Indian ethnography. *Sovetskaia etnografiia* 3: 116–124. (In Russian)
- Kotin I. Yu. 2016. A. M. Meerwarth as the founder and safe keeper of the Indian Department of the MAE. *Sbornik MAE. T. LXII: Kunstkamera: kolleksii i khraniteli. Pamiati Zoi Leonidovny Pugach*. St. Petersburg: MAE RAS Publ.: 102–113. (In Russian)
- Kotin I. Yu., Krasnodembskaya N. G., Soboleva E. S. 2013. The strategy of increasing the ethnographic collections of the Museum of anthropology and ethnography named by Peter the Great (Kunstkamera) RAS at the beginning of the XX c. *Etnograficheskie kolleksii v muzeiakh: kul'turnye strategii i praktiki: materialy XII Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii*. St. Petersburg: SPbGUTD Publ.: 326–332. (In Russian)
- Kotin I. Yu., Krasnodembskaya N. G., Soboleva E. S. 2015. A. M. Meerwarth and the Indology: the programs and projects of the 1920 years. *Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia "Rerikhovskoe nasledie". T. XIV: Prepodobnyi Sergii Radonezhskii v zhizni i tvorchestve Rerikhov. Problemy i perspektivy sokhraneniia Rerikhovskogo nasledii*. St. Petersburg: SPbGMISR Publ.: 277–304. (In Russian)
- Kotin I. Yu., Krasnodembskaya N. G., Soboleva E. S. 2018. *The Expedition to Ceylon and India in 1914–1918. History. Collections. Scientific heritage*. St. Petersburg: Izdatel'stvo MAE RAN Publ. (In Russian)
- Krasnodembskaya N. G. 1967. Russian researchers to Ceylon. *Tezisy konferentsii po istorii, iazykam i kul'ture Iugo-Vostochnoi Azii*. Leningrad: Leningrad University Press: 12–13. (In Russian)
- Krasnodembskaya N. G. 1983. *From the Lion Island up to Snows Mansion (story of the South Asian collections of MAE)*. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. "Nauka" Publ. (In Russian)
- Krasnodembskaya N. G. 1997. Hard workers and Romantics of the Ethnography. *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi*. 11: 315–325. (In Russian)
- Krasnodembskaya N. G. 2014. The Veddas — the Sinhalese: ethno-linguistic connections in time and space. *Radlovskii sbornik: nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2013 g.* St. Petersburg: Izdatel'stvo MAE RAN Publ.: 228–235. (In Russian)
- Krasnodembskaya N. G. 2015. To the Buddhist monasteries of Sri Lanka (about the personal experiences in 1980–1988 and 2009–2014). *Materialy polevykh issledovaniu MAE RAN* 15: 190–214. (In Russian)
- Krasnodembskaya N. G., Kalinina I. V. 2015. About the technology of preparing of the Sinhalese ceramics (by the collections of the MAE and personal field observances). *Sbornik MAE. T. LXI: Obrazy i znaki v traditsiakh Iuzhnoi i Iugo-Zapadnoi Azii*. St. Petersburg: Izdatel'stvo MAE RAN Publ.: 77–99. (In Russian)
- Krasnodembskaya N. G., Soboleva E. S. 2012. The formation of the indological branch in the time of Radloff and Shternberg. *Lev Shternberg — grazhdanin, uchenyi, pedagog. K 150-letiiu so dnia rozhdeniia*. St. Petersburg: Izdatel'stvo MAE RAN Publ.: 203–232. (In Russian)
- Krasnodembskii V. E. 2011. Vedda. *Trudy Arhiva vostokovedov IVR RAN. T. 1: Trudy vostokovedov v gody blokady Leningrada (1941–1944)*. Moscow: Vostochnaia literatura Publ.: 204–216. (In Russian)
- Kudriavcev M. K. 1953. The part of the palace from Nasik (India). *Sbornik MAE. T. XIV*. Moscow; Leningrad: Nauka Publ.: 140–146. (In Russian)
- Kudriavcev M. K. 1971. *The Community and Caste in Hindustan. (About the life in an Indian village)*. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. "Nauka" Publ. (In Russian)
- Kudriavtseva N. V., Krasnodembskaya N. G. (eds.). 2005. *Dvija (two times born): milestones of war and science of Mikhail Kudriavtsev, Indologist and Artillerist*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ. (In Russian)
- Liusternik E. Ya. 1975. The academic expedition to India in 1914–1918 by A. M. and L. A. Meerwarth. *Istoriografiia i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki. Vyp. IV*. Leningrad: Leningrad University Press. (In Russian)
- Maretina S. A. 1963. "Ramayana" and the Bengalese folk theatre. *Sbornik MAE. T. XXI*. Leningrad: Nauka Publ.: 252–266. (In Russian)
- Mervart L. A., Mervart A. M. 1929. *In the wilderness of Ceylon. (Travel notes from participants of the academic expedition to India and Ceylon in 1914–1918)*. Leningrad: Izdatel'stvo P. P. Soikin Publ. (In Russian)
- Minaev I. P. 1878. *Essays of Ceylon and India. From the travel notes of a Russian*. Part 1–2. St. Petersburg: Izdatel'stvo L. F. Pantelev Publ. (In Russian)
- Mozol' E. V. 2011. The books collection by Alexander and Ludmila Meerwarth at the Library of MAE. *Radlovskii sbornik: nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2010 g.* St. Petersburg: Izdatel'stvo MAE RAN Publ.: 95–100. (In Russian)

- Rodionov M. A., Merenkova O. N. (eds.). 2019. *Bestiary. Issue V: Next to the Persons*. St. Petersburg: Izdatel'stvo MAE RAN Publ. (In Russian)
- Shafranovskaja T. K. 1967. *The Chamber of Curiosities*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian)
- Staniukovich T. V. 1953. *Kunstammer of the Saint Petersburg Academy of Sciences*. Moscow; Leningrad: Nauka Publ. (In Russian)
- Vasil'kov Ya. V. 2014. The Nevar "narrator scroll" with drawings on the life of Buddha from the Minaev collection at the MAE RAN: the way of domestication of a classical Buddhist sutra. *Zografskii sbornik* 4: 128–169. (In Russian)
- Vasil'kov Ya. V. 2017. About the *Shtiglits* collections at the MAE and their collector. *Sbornik MAE. T. LXII: Kunstkamera: kollektzii i ikh khraniteli. Pamiati Zoi Leonidovny Pugach*. St. Petersburg: Izdatel'stvo MAE RAN Publ.: 92–101. (In Russian)
- Zimina T. A. 2019. Veddas in past and modern from the view of the Sinhalese. *Etnografiia* 4 (6): 58–72. (In Russian)

Received: June 10, 2020
Accepted: September 28, 2020

Author's information:

Nina G. Krasnodembskaya — Dr. Sci. in History; nigekrasno@mail.ru